

Мельниченко Николай Николаевич

аспирант кафедры уголовного права
и криминологии
Кубанского государственного университета

**ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ОБЪЕКТЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ,
СОВЕРШЕННЫЕ В СОУЧАСТИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ**

Аннотация:

Опираясь на анализ теоретических и законодательных аспектов ответственности за совершение посягательств на объекты археологического наследия в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества, автор предлагает пути оптимизации системы квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в ст. 164, 190, 226.1, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ. Обращено внимание на необоснованность уравнивания законодателем при конструировании квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений общественной опасности группы лиц по предварительному сговору и организованной группы. В статье отмечается и проблема распространенности совершения посягательств на объекты археологического наследия в составе преступного сообщества. Исследуются вопросы специфики формы вины при совершении преступления в составе группы лиц по предварительному сговору, такие признаки организованной группы, как устойчивость и цель преступной деятельности.

Ключевые слова:

объекты археологического наследия, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество, квалифицирующий признак, дифференциация ответственности

Melnichenko Nikolay Nikolaevitch

PhD student,
Criminal Law and Criminology Department,
Kuban State University

**ENCROACHMENTS
ON ARCHAEOLOGICAL HERITAGE,
COMMITTED WITH PARTICIPATION:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION
AND QUALIFICATION**

Summary:

Based on the analysis of theoretical and legislative aspects of securing responsibility for encroachments on objects of archaeological heritage, as part of a group of persons by prior conspiracy, an organized group and a criminal community, the author proposes ways to optimize the system of qualifying and especially qualifying features in Art. 164, 190, 226.1, 243.1, 243.2, 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws attention to the unreasonableness of equalization by the legislator when constructing qualified and especially qualified corpus delicti of social danger of a group of persons and an organized group. Moreover, the article notes the problem of the prevalence of encroachments on objects of archaeological heritage sites as part of an organized group or a criminal community. The research also examines such issues as the specifics of the form of guilt when committing a crime as part of a group of persons by prior conspiracy, such signs of an organized group as the stability and purpose of criminal activity.

Keywords:

objects of archaeological heritage, a group of persons by prior conspiracy, an organized group, a criminal community, a qualifying feature, differentiation of responsibility

В составах преступлений, посягающих на сохранность объектов археологического наследия (ч. 2 ст. 164, ч. 2 ст. 226.1, ч. 2 и 3 ст. 243.2, ч. 2 ст. 243.3 УК РФ), осуществлена дифференциация уголовной ответственности по признаку их совершения в соучастии. Однако такие квалифицирующие признаки отсутствуют в составах невозвращения археологических предметов на территорию РФ (ст. 190 УК РФ) и нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ (ст. 243.1 УК РФ), что следует признать недостатком действующей редакции данных норм.

Квалифицированные составы являются одним из показателей уровня дифференциации уголовной ответственности. Анализ квалифицирующих признаков преступлений названной группы дает основания для установления унифицированного подхода законодателя в этом вопросе. В частности, все квалифицирующие указанные посягательства признаки относятся к объективной стороне состава преступления. Причем в трех нормах закреплен такой признак, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (как квалифицирующий – в п. «а» ч. 2 ст. 164, п. «б» ч. 2 ст. 243.3 УК РФ; как особо квалифицирующий (содержащий, однако, указание лишь на организованную группу) – в ч. 3 ст. 226.1, п. «в» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ). Действительно, посягательства на объекты археологического наследия традиционно входят в систему организованной преступности, в большинстве своем из-за сложного механизма подготовки, приискания соответствующего предмета, поиска каналов легализации похищенного они не совершаются в одиночку. Кроме того, им присущи именно спланированные сложные формы совместной

преступной деятельности. Данный факт объясняет обоснованность отказа от включения в указанный перечень квалифицирующих признаков группы лиц без предварительного сговора.

В уголовно-правовой доктрине институт соучастия в преступлении разработан достаточно детально. Множество комплексных исследований посвящено указанной проблематике и на современном этапе развития уголовно-правовой теории [1]. Несмотря на это, продолжаются научные дискуссии относительно форм соучастия в преступлении. Ученые-правоведы находятся в постоянном поиске оптимальной модели выявления и закрепления в законе отличительных признаков группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества. Так, в отечественной уголовно-правовой науке актуален вопрос содержания вины при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору. По мнению И.А. Дубровина, предварительный сговор в данном случае может иметь как конкретизированное содержание, так и не конкретизированное. В последнем случае он не должен заранее охватывать все возможные вредные последствия [2, с. 7]. При этом такой сговор может быть выражен в любой форме, но всегда должен состояться до совершения преступления. С подобным заключением следует согласиться.

Кроме того, сложилась коллизия в толковании специфики ролей соучастников в группе лиц по предварительному сговору в теории и правоприменительной практике. Верховный суд РФ занимает позицию, согласно которой для признания рассматриваемой группы необходимо наличие не менее двух исполнителей [3]. В научных исследованиях данный тезис отдельными авторами опровергается [4, с. 15, 16, 39]. Думается, что анализ положений ч. 2 ст. 35 УК РФ дает основание для вывода об ошибочности судебного толкования анализируемого признака, поскольку в этой норме в отличие от ч. 1 ст. 35 УК РФ не содержится прямого указания на обязательное наличие двух соисполнителей или более среди лиц, совершающих преступление в составе группы названной разновидности.

Рассматривая особенности организованной группы, отечественные авторы обращают внимание на более узкие пределы криминализации в сравнении с таковыми в международном законодательстве. В частности, Э.В. Трузян указывает, что следует признавать группу организованной при наличии двух лиц и цели совершения ими любых преступлений [5, с. 8–9]. Сходные идеи высказаны А.В. Кисиним [6, с. 7]. Проблематично толкование и такого признака организованной группы, как устойчивость, поскольку он является оценочным. В основу понятия устойчивости кладутся такие признаки, как долговременность существования группы, стойкость преступных связей, неоднократность преступных действий, четко определенные методы преступной деятельности [7, с. 101–102]. Некоторые авторы [8, с. 26], равно как и Пленум Верховного суда РФ, включают в систему признаков, характеризующих устойчивость организованной группы, и такие, как длительность подготовки к преступлению, неоднократность совместного совершения преступлений, оснащенность техническими средствами [9]. Думается, что они не отражают специфических свойств данной формы соучастия и не должны входить в систему обязательных характеристик устойчивости. Не всегда признак длительности подготовки может быть формализован в целях правовой оценки, поскольку категория «длительность» оценочная. Не отражает специфики ни качественной, ни количественной характеристики названной группы и факт применения ею технических средств, поскольку они могут быть использованы и при реализации иных форм соучастия, в то же время организованная группа может действовать без их использования. В связи с этим включение указанных признаков в систему обязательных при признании наличия организованной группы либо чревато необоснованным расширением границ вменения указанного квалифицирующего признака, либо создает почву для его исключения. Полагаем, что при толковании признака «устойчивость» применительно к организованной группе нужно делать акцент на те его проявления, которые свойственны этой форме соучастия и обладают существенным значением. Прежде всего рассматриваемый признак раскрывается через анализ внутренних взаимоотношений участников. Именно они являются носителями специфической системы взаимодействия, характерной для такого объединения, отражая качественно новый уровень осуществления преступной деятельности. Обобщение различных точек зрения дает основание для вывода, что группа должна признаваться устойчивой в следующих случаях: 1) она имеет стабильный субъектный состав; 2) между ее участниками сложились личные доверительные отношения; 3) каждый участник группы выполняет заранее оговоренную роль, соблюдает субординацию – распределение ролей; 4) в группе сложились специальные каналы обмена информацией, связи, система кодированных атрибутивных обозначений, имеющие целью скрыть специфику деятельности.

В уголовно-правовой теории на повестку дня ставится вопрос о необходимости учета при квалификации и определении меры наказания наличия такой формы соучастия в преступлении, как преступное сообщество (преступная организация). Думается, что применительно к хищениям объектов археологического наследия, их контрабанде, незаконным раскопкам постановка данного вопроса вполне обоснованна. Сфера оборота указанных предметов приносит высокие прибыли,

что не может не попасть в зону внимания «криминальных дельцов». Так, по оценкам экспертов, торговля ворованными древностями как один из транснациональных преступных промыслов уступает в наши дни по выгоде и размаху лишь торговле наркотиками, оружием и отмыванию денег [10]. Культурные ценности стали источником огромных прибылей – до 1 000 % чистого дохода. Парадоксально, но ученые из Музея археологии и антропологии Кембриджского университета обнаружили, что у 92 % их экспонатов в каталоге нет обозначения места находки, а потому легальность их происхождения сомнительна. Украинский археолог Д.Я. Телегин назвал грабительские раскопки в целях наживы «теневой археологией» – по аналогии с теневой экономикой.

По экспертным оценкам, в период с 2001 по 2013 г. только с территории Крыма контрабандой вывозилось древностей на сумму 2 млн долл. ежегодно. Преступные сообщества в сфере теневого оборота археологических ценностей активно действуют и в Европейском союзе. Так, 18 ноября 2019 г. итальянская полиция раскрыла крупную сеть злоумышленников, проводивших незаконные археологические раскопки в Калабрии на юге страны. По сообщению Корпуса карабинеров в Риме, в Италии, Великобритании, Германии, Франции и Сербии проведены 80 обысков и приняты 23 меры пресечения [11], изъято около 10 тыс. археологических артефактов. В 2019 г. оперативными подразделениями таможенных органов России по фактам незаконного перемещения культурных ценностей возбуждено 17 уголовных дел по ст. 226.1 УК РФ. Наиболее часто эти преступления выявляются на западных и южных границах России, а также в таможенных аэропортов московского авиаузла. В интервью начальник Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России А. Юдинцев отметил, что «контрабанда культурных ценностей была всегда одной из основных проблем в сфере таможенного дела» [12].

Преступные схемы посягательств на объекты археологического наследия достигли транснациональных масштабов. Например, в интервью начальника отдела памятников археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Г. Давыденко был приведен следующий факт: сотрудники ФСБ России по Краснодарскому краю совместно с коллегами из Санкт-Петербурга и Ленинградской области при участии Управления госохраны объектов культурного наследия края разоблачили и пресекли незаконные археологические раскопки и контрабанду артефактов. Преступная схема была построена так: сначала в Лондон высылали фотографии археологических предметов, после чего по заказу собирали партию артефактов и вывозили за границу. Древние ценности реализовывали в британской столице на аукционе. Затем они расходились по частным коллекциям [13]. Приведенные аргументы подтверждают необходимость включения в систему квалифицирующих признаков ряда посягательств на сохранность объектов археологического наследия такого признака, как совершение деяния преступным сообществом.

Толкование юридических признаков преступного сообщества (преступной организации) требует отдельного рассмотрения. Следует поддержать мнение В.А. Попова о том, что видовым признаком преступной организации является наличие в составе структурных подразделений [14, с. 28]. Именно он отражает более высокий уровень общественной опасности рассматриваемой формы соучастия и позволяет ограничивать ее от организованной группы. Вместе с тем ученые подвергают справедливой критике такой закрепленный в ч. 4 ст. 35 УК РФ признак преступного сообщества, как целевой. В частности, Д.А. Григорьев, анализируя его определение, данное в ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ, предлагает расширить целевую характеристику деятельности преступного сообщества за счет указания на цель совершения преступлений средней тяжести, а не только тяжких и особо тяжких преступлений [15, с. 10]. С подобной критикой нужно согласиться, поскольку введение подобного признака в систему характеристик преступного сообщества существенно сузило пределы возможного вменения этой формы соучастия. Иную точку зрения отстаивает в исследовании В.Н. Скотинина, обосновывая необходимость корректировки понятия преступного сообщества в соответствии с положениями Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Она предлагает опираться на количественный критерий – в составе трех или более лиц, а также хронологический критерий – созданной на длительный период для совершения умышленных преступлений [16, с. 6]. Думается, имплементация положений международного законодательства в данном случае не должна носить буквальный характер, однако указание на количественный критерий заслуживает поддержки.

При анализе квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков посягательств на сохранность объектов археологического наследия обращает на себя внимание и то, что законодатель не последователен в оценке общественной опасности указанных посягательств, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. В двух составах преступлений это обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего признака и в двух – особо квалифицирующего. Подобный подход законодателя следует признать нелогичным и не последовательным, поскольку нет объективных предпосылок для столь различной правовой оценки данного квалифицирующего признака. Кроме того, возникает вопрос о сопоставимости

общественной опасности двух названных форм соучастия. Безусловно, группа лиц по предварительному сговору обладает меньшей ее степенью, нежели организованная. Поэтому их объединение в рамках одной нормы необоснованно.

Подводя итог, следует констатировать, что система квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков составов посягательств на объекты археологического наследия нуждается в существенной оптимизации. Опираясь на представленные аргументы, необходимо изменить редакции рассматриваемых норм, предусмотрев совершение преступления группой лиц по предварительному сговору в качестве квалифицирующего признака, а организованной группой – в качестве особо квалифицирующего. Совершение преступления в составе преступного сообщества нужно отнести к признакам исключительной тяжести.

Ссылки:

1. См.: Виденькина Ж.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 27 с. ; Гришко Е.А. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с. ; Кузнецов К.В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с. ; Тройнов С.П. Уголовно-правовые и криминологические проблемы организации преступного сообщества (преступной организации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. 23 с. ; Хмелевская Т.А. Виды групповых преступлений и их квалификация по УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 169 с. ; и др.
2. Дубровин А.И. Ответственность за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 31 с.
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 : в ред. от 16 мая 2017 г. П. 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 49 с.
5. Трузян Э.В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 28 с.
6. Кисин А.В. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в составе организованной преступной группы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 28 с.
7. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве: онтологический аспект. Саратов, 1991. 129 с.
8. Мальков С.М. Квалификация преступлений, предусмотренных статьей 232 УК РФ, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. № 3 (16). С. 26–32.
9. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 17 янв. 1997 г. № 1. П. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 3 апр. 2008 г. № 3. П. 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; и др.
10. Криминальная глобализация экономики [Электронный ресурс]. Ч. I. Контрабанда – ведущий международный криминальный промысел // Экономическая теория преступлений и наказаний. № 5-1. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/5-1/index.shtml> (дата обращения: 01.12.2020).
11. Демидова О. Итальянская полиция раскрыла сеть контрабандистов-археологов [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 2019. 19 нояб. URL: <https://www.dw.com/ru/итальянская-полиция-раскрыла-сеть-контрабандистов-археологов/a-51311935> (дата обращения: 01.12.2020).
12. Интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России Андрея Юдинцева журналу «Таможня». Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба : официальный сайт. 2019. 5 нояб. URL: <http://customs.ru/press/aktual-no/document/214126> (дата обращения: 01.12.2020).
13. Контрабанда привела в Лондон [Электронный ресурс] // Юг Times : сетевое издание. 2019. 10 янв. URL: <https://yugtimes.com/news/44160> (дата обращения: 01.12.2020).
14. Попов В.А. Группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация): соотношение понятий // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 3. С. 27–31.
15. Григорьев Д.А. Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2018. 32 с.
16. Скотинина В.Н. Компаративистское исследование состава организации преступного сообщества (преступной организации): внутрисударственный, международный и зарубежный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна